

О РОЛИ И ОТВЕТСТВЕННОСТИ ПЕРЕВОДЧИКА

(ПИСЬМО В РЕДАКЦИЮ)

3 апреля в Доме ученых был организован издательством «Academia» вечер новых переводов Шекспира. Ввиду того, что выступавшие оппоненты, главным образом, занимались разбором моего перевода «Ромео и Джульетты» (оставив в стороне переводы всех моих товарищей, кроме перевода «Макбета» Шпета-Соловьева), а позднее время лишило меня возможности ответить лично, я считаю необходимым сделать это на страницах «Советского искусства». Ответственность переводчика Шекспира так велика перед советским зрителем и читателем, что всякая серьезная и добросовестная критика моих переводов всегда принималась и принимается мною внимательно и благодарно, ибо не место личному самолюбию там, где указания критики способствуют выразительности и улучшению русского текста. Поэтому я могу только благодарить гг. Мирского, Фридлянда и Аксенова за их серьезные и дельные указания.

К сожалению, огромное большинство нападок, посыпавшихся на мой перевод, сводилось к тому, что я не передаю дословно всех оттенков и деталей образно-поэтического и метафорического лексикона Шекспира и этим упрощаю его. Мои оппоненты, терпеливо, старательно и долго перебирая каждую строчку моего перевода, приводили примеры того, как исчез какой-то оттенок образа, как испарилось какое-то прилагательное или местоимение. Должна прямо сказать, что такой анатомирующий метод критики считаю в корне порочным и неприменимым к произведению искусства. Требование абсолютной калькулирующей точности, фетишизации каждой буквы является либо предельным формалистским педантизмом филологов, знатоков английского языка, но в то же время людей не очень осведомленных в том, как и для чего пишутся стихи (такова критика т. Шор и некоторых других), либо заведомо недобросовестным требованием (такова критика по форме развязная и по содержанию некомпетентная Эфроса). На последнюю отвечать не считаю нужным, но товарищам

добросовестно и принципиально стоящим на формалистско-педантической точке зрения, отвечу:

Ставить себе основной задачей не пропустить ни одной буквы, ни одного прилагательного, ни одной детали подлинника можно только в прозаическом подстрочнике, а никак не в стихотворном переводе. Всякий перевод, а особенно стихотворный, связан с жертвой — важно лишь жертвовать наименее существенным ради главного. Это главное — поэтическая и социальная сущность Шекспира и его театральная специфика. Если переводчик этого не знает и не чувствует, то никакая скрупулезно-аптекарская перелача всех эверуизмов и идиом не спасет его. Шекспира от превращения в геллертскую и формалистскую мумию. Переводчик Шекспира, работая, должен представлять себе того, к кому он обращается, своего «собеседника». Собеседником переводчика Шекспира должен быть современный советский зритель и читатель, который вправе ожидать от переводчика, чтобы он открыл ему реальное и реалистическое лицо Шекспира, а не затруднял его восприятие эверуизмами и мифологией, требующими научного комментария. Поэтому, если я пишу «бледный отблеск лунного лица», а не «цинтии лица» (луна-цинтии), или пишу: «А если, что не ясно в книге вам, читать научитесь и поглазам», а не «на полях глаз», как мне советовали некоторые мои оппоненты, то я это делаю сознательно и впрямь собираюсь поступать так же, для того, чтобы моего Шекспира мог произносить современный советский актер, а современный советский зритель не должен был бы ходить в театр с несколькими томами реальных словарей и комментариев под мышкой. Мы не гробокопатели и даже не археологи, а поэты и строители. Роль переводчика огромна в культурном строительстве, ибо он — рупор, через который говорят гении прошлых веков с людьми нашей страны и нашей эпохи. И цель наша — не загромождать, не заваливать двери, за которыми живет Шекспир, а широко распахнуть их для миллио-

нов, имеющих право войти. Не закрывать, а открывать классику. К этому я и стремлюсь в своей переводческо-поэтической работе. А вы, товарищи оппоненты, раскапывая «поля глаз», «цинтию» и «дыбки рассвета», пожалуй, рискуете за деревьями леса не увидеть.

АННА РАДЛОВА

*

От редакции: Не входя пока в оценку нынешних переводов Шекспира, а также дискуссии, устроенной по этому поводу издательством «Academia», редакция считает, что письмо т. Радловой поднимает ряд чрезвычайно существенных и важных принципиальных вопросов. Переводы классиков, особенно драматургов, — дело серьезное и ответственное. Не поступаясь точностью, нельзя, конечно, впадать и в педантизм, выхолащивающий живую душу произведения. Оно становится тогда доступным только небольшой группе дотошных ценителей и малодоступным читателям и театру. Наличие этой опасности доказывается хотя бы последними переводами Гете, Байрона («Мистерия») и т. д. Редакция полагает, что проблема перевода классиков-драматургов, и особенно Шекспира, должна быть поставлена на обсуждение не только специалистов-лингвистов, историков и филологов, но и писателей, драматургов, театральных деятелей, театральных критиков и др.